

Шоули вдруг громко заплакал. Только тогда Вэй Хуань осознала, что невольно вцепилась ему в руку. Она поспешно разжала пальцы, едва не уронив младенца. К счастью, придворный служитель шагнул вперёд, опустился на колено и подхватил свёрток, не дав тому упасть. Безбородый молодой евнух многозначительно взглянул на Вэй Хуань, и на его лице наконец мелькнула тень сочувствия. Он неспешно произнёс:

— Императрица-мать также поручила передать вам, княгиня, на словах: она знает, что вы всегда были почтительны к старшим родственникам, понимаете правила приличия и различаете добро со злом. Она надеется, что вы и впредь будете соблюдать долг жены и невестки, надлежащим образом заботясь о великом князе и его детях. Императрица-мать непременно это запомнит.

Вэй Хуань побледнела, но заставила себя выдать улыбку:

— Благодарю за передачу. Прошу принять этот скромный подарок, не побрезгуйте.

Она сняла с руки нефритовый браслет и сунула его евнуху в ладонь. Тот улыбнулся и принял дар:

— Благодарю княгиню за щедрость.

Видя, что подношение принято, Вэй Хуань на лице вернулось немного краски. Она поклонилась евнуху и спросила:

— Не подскажете, где сейчас находится шестой князь? Сегодня предстоит отъезд, и нужно уладить кое-какие дела с багажом.

Придворный служитель с улыбкой взглянул за дверь. Тотчас же несколько человек ввели под руки Ли Жуя. Ещё утром он был Сыном Неба, повелителем девяти пядей, высочайшим владыкой дворца. Теперь же он походил на побитого пса. На нём всё ещё была императорская церемониальная одежда, но головной убор сняли, отчего вид его казался особенно жалким. Увидев Вэй Хуань, он лишь поднял веки, уголок рта дёрнулся, и он безжизненно выдохнул:

— Сынян...

Звучало это куда мягче, чем обычно, словно звала жена обычного мужа.

Придверник сказал:

— Мы, ничтожные, подождём снаружи.

Развернулся и вышел. Сопровождавшие его люди плотно заняли все выходы, оставив супругов наедине с несколькими приближёнными служанками в зале.

Едва те удалились, Ли Жуй окончательно обмяк, сполз на пол и с плачущим лицом снова позвал:

— Сынян...

Он хотел что-то сказать, но Вэй Хуань, отослав служанок, прервала его:

— Шестой князь хочет вернуться?

Ли Жуй удивлённо посмотрел:

— Вернуться?

— Вернуться. Снова стать императором.

Увидев, как у того расширились глаза и задрожали губы, Вэй Хуань глубоко вдохнула и смягчила тон:

— Необязательно именно императором. Просто... место Лулин — глушь, совсем не сравнить со столичным блеском. Даже если шестой князь не сможет вновь занять трон в столице, разве можно провести всю жизнь в ссылке в такой захолустной стороне?

Ли Жуй молчал, лишь тоскливо оглядывал убранство зала. Вэй Хуань, понимая его страх, мягко сказала:

— Не тревожься. У матушки лишь ты один сын. Разве может мать не любить своего дитя? Ссылка — лишь временная мера. Когда-нибудь... она непременно о тебе вспомнит.

Ли Жуй затрепетал:

— Боюсь, я не доживу до того...

Вэй Хуань крепко сжала его руки, пристально глядя ему в глаза, и тихо произнесла:

— Потому ты и должен постоянно напоминать матушке о себе. Чтобы она вспомнила тебя поскорее. И чтобы, вспоминая, думала лишь о твоих хороших сторонах.

Тут Ли Жуй понемногу пришёл в себя, встретился с ней взглядом и заторопился:

— Научи меня, Сынян.

Вэй Хуань заговорила тихим, успокаивающим голосом:

— Не спеши, шестой князь. Сначала переоденься, собери вещи, а потом мы вместе пойдём проститься с матушкой. Держись почтительно, ни капли негодования в сердце быть не должно.

Она заставила себя растянуть губы в уверенной улыбке. Она сделала всё, что могла. Дальше всё зависело от Тайпин.

Неизвестно, сколько же искренности было в словах этой маленькой принцессы, клявшейся в любви, и насколько она действительно была готова отдать. Была ли она истинным солнцем или лишь светлячком, принятым за солнце в панической суете?

Если Тайпин и вправду была её солнцем, то Вэй Хуань готова была заплатить любую цену, лишь бы дожидаться, когда тучи рассеются.

* * *

Между матушкой и канцлерами установилось хрупкое равновесие, подобное тому, что сложилось между Дугу Шао, Цуй Мин-дэ, мной и А-Хуань.

В тот день Дугу Шао уже почти смягчилась и готова была перейти на мою сторону. Однако после того, как матушка устроила смотр Всадницам Мулан у ворот Гуаншунь, та несколько дней не появлялась одна. Что и понятно: А-Хуань и я полагались на Всадниц Мулан, но прежде чем мы успели хоть чем-то помочь, матушка сама позволила Дугу Шао единолично

командовать ими. Судя по всему, она намеревалась закрепить Всадниц как постоянную часть дворцовой стражи. Если бы Дугу Шао теперь сблизилась с нами, пользы бы не было, зато легко могла навлечь на себя подозрения матушки. Так что нынешняя отстранённость была для неё выгоднее.

Поступок Дугу Шао в тот день казался рискованным, но, если вдуматься, в случае провала ей грозило разве что покинуть дворец, вернуться домой и забыть об этих не имеющих официального статуса Всадницах Мулан. Зато в случае успеха Дугу Шао не только добивалась желаемого, но и выводила свои противоречия с Туаньэр на открытую сцену, лишая ту возможности клеветать исподтишка перед матушкой. При этом она не оказывалась в долгу перед мной и А-Хуань, не получая над нами скрытой власти. Настоящий тройной удар.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: это идея Цуй Второй. Порой я считала А-Хуань верхом ума, но, сталкиваясь с Цуй Мин-дэ, понимала, что и та перед ней меркнет. Мне так и хотелось приказать схватить её, вскрыть череп и посмотреть, как же устроен её мозг — может, у неё их несколько? Или мозг плотнее, чем у обычных людей? Иначе как объяснить, что в неполные двадцать лет один человек может так превосходить других? И мог ли столь одарённый человек действительно смириться с жизнью в дворцовых стенах, оставаясь безымянной женщиной-чиновником? У всех есть личные желания. Неужели у Цуй Мин-дэ, кроме благополучия семьи, не было других стремлений?

Я продолжала жить во дворце. Матушка не прогоняла, и я не спешила уходить. К счастью, Двор ста внуков всё ещё не был достроен, и А-Хуань жила со мной. Пятнадцатого числа девятого месяца у неё был день рождения. От моего имени устроили небольшой пир, собрав близких людей с обеих сторон. Не смея дарить крупных подарков, я лишь сама съездила на могилы её матери и сестры, велела завершить все недоделанные работы и нарисовала портреты. Также я сплела пару узлов вечной любви и тайно преподнесла ей.

Увидев рисунки, А-Хуань заплакала. Не своим обычным сдержанным плачем, а громко, рыдая и задыхаясь, бросилась ко мне на грудь. В ту ночь она была особенно страстна. Наутро я не смогла подняться на подоконник и ушла через боковую дверь.

В начале десятого месяца Священный экипаж отбыл в Восточную столицу. А-Хуань, Шоули, Чжэн Бо и я вошли в свиту. Матушка поставила мою колесницу во главе процессии принцесс, по пути то и дело призывала меня к себе поболтать, брала с собой на приёмы к знатым дамам, на трапезы, верховые прогулки, смотры, где дворцовые служительницы развлекались игрой в пернатый мяч. И постоянно присылала мелкие подарки: то во время еды пришлёт пару блюд, то при остановке в почтовой станции позволит занять лишний дворик, то вдруг вспомнит и пришлёт гребень, пару изящных шпилек. Однажды, призвав Нарси и прочих иноземных принцев для беседы и рассуждая о учениях зороастризма, несторианства и манихейства, она вновь чем-то тронула своё сердце и пожаловала мне десять отрезов павлиньей парчи.

Так матушка обходилась со мной. С Чжэн Бо же она держалась иначе. Мужья принцесс обычно следовали в свите согласно собственным рангам и положению семей. На сей раз матушка особо повелела, чтобы они следовали в порядке, соответствующем положению их жён. Так Чжэн Бо оказался в толпе мужей принцесс — все прочие имели реальные должности не ниже пятого ранга, лишь он один был знатен титулом, но не властью. Не знаю, с какими чувствами он двигался в этой процессии, знаю лишь, что всю дорогу до Восточной столицы он держался со мной отстранённо и вежливо. За день, помимо трёх обязательных посыльных с вопросами о здоровье утром, в полдень и вечером, он почти не показывался на глаза.

После указа о посещении Восточной столицы матушка пожаловала мне усадьбу напротив

Императорского города, на берегу реки Ло, неподалёку от дворца Шанъян и основного дворцового комплекса. Обычно такие пожалования представляли собой перестроенные конфискованные владения, но матушка настояла на новом строительстве, поэтому закончить его должны были лишь к Новому году. Я воспользовалась этим, чтобы остаться с матушкой и Ли Данем в Восточном дворце. В юго-западной части дворцового города отремонтировали пять старых павильонов, соединив их в единый комплекс — Восточный Двор ста внуков. Там поселились А-Хуань с Шоули, детьми Ли Шэна и Ли Биня. Я же разместилась на террасе Личунь.

<http://bllate.org/book/16278/1467132>